

АТТРИБУТИВНЫЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

ЕРОФЕЕВА К.Л., канд. филос. наук

Дается анализ трех наиболее существенных атрибутивных свойств человека – сознания, практической деятельности и социальности – в условиях современного информационного общества.

Ключевые слова: атрибутивные свойства человека, сознание, самосознание, эмоции.

ATTRIBUTIVE QUALITY OF A PERSON IN SPECIFIC CONDITIONS OF INFORMATION-ORIENTED SOCIETY

EROFEEVA K.L., Ph.D.

The article contains the analysis of three main attributive qualities of a person – consciousness, practice and social relations – in information-oriented society.

Key words: attributive qualities of a person, consciousness, self-consciousness, emotions.

Одной из наиболее актуальных исследовательских задач в современной науке об обществе является задача изучения информационной цивилизации. Как известно, постижение новых тенденций в социальной реальности, того, что существует актуально и что наступит в ближайшем будущем, сопряжено с особыми сложностями. Кроме того, современное общество содержит в себе невиданное ранее количество новаций и демонстрирует качественно новый уровень сложности связей и отношений. Тем настойчивее стремятся понять суть и специфику информационного общества отечественные и зарубежные исследователи – философы, социологи, культурологи, экономисты и пр.¹ В рамках данной статьи попытаемся рассмотреть лишь один аспект проблемы: насколько современный тип цивилизации, обозначаемый чаще термином «информационное общество», отвечает потребностям реализации родовой человеческой сущности. *Практическая деятельность, сознание, социальность* традиционно понимаются как основные атрибутивные свойства родового человека. Поэтому целесообразно подробнее остановиться на анализе их специфики в условиях современной информационной цивилизации.

Практическая деятельность в своем высшем и наиболее полном проявлении есть деятельность творческая. Прежде всего рассмотрим собственно компьютерное творчество, то есть тот специфический вид творческой деятельности, который порожден информационным обществом и в то же время определяет собой этот тип организации социума. Выступая как подвид научно-технического творчества, оно обладает вместе с тем принципиальным, качественным отличием от других его подвидов и форм. Оно преследует, помимо всех прочих, цель создания аналога человеческому интеллекту. Вне зависимости от результата, то есть от того, удастся ли создать такой аналог в достаточно полном объеме функций сознания или нет, процесс решения этой творческой задачи с необходимостью влечет за собой новый уровень самопознания человека. Моделирование деятельности мозга позволяет понять существенные связи в структуре этого органа, определяющие отдельные функции и свойства нашей психики. Таким образом, информационное общество впервые за всю историю человечества породило инструмент, позволяющий ему осуществлять процесс самопознания, ибо понять основ-

ные принципы функционирования сознания для человека во многом, а возможно и в основном, равносильно познанию собственной сущности. Хотя прогресс в кибернетике происходит невиданными (по сравнению с биологическими и социальными процессами) темпами, исходя из степени сложности моделируемого объекта можно предположить, что процесс этот будет достаточно длительным. Причем на каждом отдельном его этапе человечество ожидает открытия, имеющие самостоятельное значение. Еще одну группу возможностей для самопознания человека, доступную уже сегодня информационной цивилизации, предоставляют достижения молекулярной биологии. Расшифровка человеческого генома позволяет осуществлять трансцензус вглубь собственной психофизической организации, распространять на нее практическую активность. Информационное общество может так называться, кроме всего прочего, потому, что информация о самом человеке, полученная средствами конкретных наук, во-первых, возрастает лавинообразно, а во-вторых, – касается фундаментальных проблем человеческого бытия, определяющих сущность человека. Достижения молекулярной биологии, как и прочие научно-практические достижения эпохи НТР, были бы технически невозможны без соответствующего компьютерного обеспечения. В этом отношении понятие «информационное общество» можно рассматривать как синоним понятию «кибернетическая цивилизация».

Названные изменения в содержании общественной практики и познания касаются в настоящий период лишь меньшинства. На массовое бытие они влияют лишь опосредованно. Но и на уровне общественного бытия широких масс людей практическая деятельность под влиянием компьютеризации различных сфер труда и быта также претерпела существенные изменения. Если техника прошлых эпох представляла собой дополнение и продолжение физической мощи человека, то компьютерная техника дополняет и расширяет его ментальные способности (расширение объема памяти, всевозможные вычислительные операции и т.п.) С одной стороны, это дает возможность уменьшить объем монотонных, рутинных процедур в процессе труда, а с другой, – способствует утрате соответствующих способностей и навыков. Более существенной для развития индивида и значимой для общества оказывается первая из названных тенденций. Пробле-

ма, порожденная второй из этих тенденций, легко разрешима. Утраченные в процессе пользования компьютером навыки при необходимости легко восстанавливаются. У детей их следует формировать в процессе школьного воспитания на соответствующем возрастном этапе. Разумеется, возможности, предоставляемые компьютером, это всего лишь потенциал, который зачастую актуально не используется, либо используется неполно и односторонне. Например, имея мощный, хорошо оснащенный компьютер, индивид нередко использует его только для игр либо только в своей узкой профессиональной сфере. Такое неполное использование заложенных ресурсов характерно и для человеческого сознания в целом. Его гигантские возможности мы тоже используем весьма неполно. И в случае с компьютером и в случае с нашим собственным природным инструментом мышления причина кроется в инертности, узости интересов, то есть в самой субъективности. В целом же, под влиянием таких действенных социальных стимулов, как престиж и мода, люди информационной цивилизации проявляют интерес к освоению все новых возможностей компьютера, а значит, – и к творчеству, совершенствованию своего сознания.

Сознание как атрибутивное свойство человека приобретает своеобразие под влиянием исторической эпохи. Способы мыслительного и образного освоения мира, как и сознание в целом, как известно, зависят также от особенностей локальной культуры, от специфических условий природного и социального бытия субъекта. Поэтому появление компьютерного информационного мира также порождает свои особенности. Это способность и даже привычка видеть мир и каждый фрагмент его реальности как поле возможностей, как мир виртуальный. Вторая особенность – возвращение на новом уровне (согласно закону отрицания отрицания) тенденции к метафизическому мышлению. Термин «метафизическое» в данном случае употребляется в том смысле, который вкладывал в него Гегель. В этом смысле метафизика как противоположность диалектике – это тип и способ мышления, который характеризуется прямолинейностью, однозначностью суждений и оценок, бинарностью. Как видим, первая особенность противоречит второй. С одной стороны, сознание компьютерной эры становится более гибким, а с другой, – тяготеет к упрощенности и категоричности. Это объясняется тем, что в основе каждой особенности лежат разные стороны социального бытия. Возвращение к метафизическому мышлению – это следствие процессов внутри развития самих компьютерных технологий и систем. Сам принцип передачи информации электронным устройством предопределяет бинарность, так как заключается в кодировании любого содержания с помощью нуля и единицы. Как известно, процесс программирования требует систематизации, размещения информации по строго определенным местам, упорядочивания материала. В этой связи напрашивается историческая аналогия, позволяющая понять причины воспроизводства метафизических стереотипов познания. Господство метафизического метода научного мышления, как показывает Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», анализируя историю развития диалектики, приходится на XVII–XVIII вв., на эпоху, когда также происходила систематизация знаний в конкретных науках: физике, астрономии, ботанике, географии. На современном этапе развития

науки господствует диалектический взгляд на мир. Вне зависимости от того, считает ли себя тот или иной ученый или мыслитель приверженцем диалектики, использует ли он сам этот термин, принципы диалектического мышления прочно вошли в научное и обыденное видение реальности. Со времен Гегеля и Маркса они получили множество новых подтверждений и обоснований в конкретных науках и комплексных научных направлениях – в квантовой физике, астрономии, синергетике, молекулярной биологии, этологии, психологии, социологии. В современной философской литературе часто заходит речь о специфике постмодерна как своеобразного периода развития культуры второй половины XX в. Это своеобразие, в частности, заключается в развитии диалектического начала, в доведении его порой до абсурда, до полного релятивизма.

На фоне такого положения вещей метафизическая тенденция в научном и обыденном сознании не может выступать как ведущая. Но не учитывать ее все же нельзя. Она накладывает свой отпечаток в основном на прагматический тип сознания. Этот тип сознания по сути своей ближе к метафизическому подходу, ибо характеризуется направленностью лишь на получение результата, практической пользы и отсекает, вследствие этого, все прочие аспекты реальности. Именно поэтому не только компьютерщики-профессионалы, но и просто рационалистически и прагматически ориентированные люди информационной эпохи отличаются подобным «неометафизическим» сознанием. Это пагубно сказывается на межличностных отношениях, на политических решениях, на решении экологических проблем. Метафизическое сознание рассудочно, диалектическое – интеллектуально, часто даже интуитивно. Метафизический подход противоположен душевному, сердечному отношению к предмету. Рассудок, оперирующий не диалектическими противоречиями, а дихотомиями, не может быть по-настоящему «человечным». Компьютер, который сегодня успешно моделирует лишь эту, рассудочную, рациональную сторону нашего сознания, становится, в свою очередь, неким эталоном для человеческого мышления определенного склада. Этот склад мышления и является одним из определяющих картину нравов и стереотипов поведения информационной эпохи. Причем это касается не только собственно деловой области. Даже такие «неформальные» сферы жизни как игра, досуг, общение полов, восприятие эстетических явлений упрощаются и формализуются посредством рекламы и средств массовой информации. Причина такого положения кроется в том, что все перечисленные сферы существования человека в социуме также вовлечены в область сугубо прагматических интересов – коммерческих интересов определенных кругов и лиц.

Что касается обыденного массового сознания, оно, в сравнении с научным, во все времена отличалось склонностью к упрощению, а следовательно, – и к метафизическому пониманию вещей. Некритичное, конформное, зависимое от чужого влияния мышление воспроизводится и культивируется в условиях общества потребления. Поэтому на уровне обыденного сознания «неометафизическое» начало присутствует особенно явно. Оно проявляется в отношении к политическим деятелям (либо полное неприятие, либо, напротив, абсолютное доверие), к новым средствам медицины (либо безоговорочная вера в их чудодейственную силу, либо полный нигилизм), к любым модным веяниям

(в этом случае, как правило, имеет место безоговорочное принятие). Разные типы людей имеют весьма различный уровень критичности и конформности мышления. Но сам тип общества потребления, каковым является современная информационная цивилизация, способствует мышлению именно такого рода. Огромный поток информации, обрушивающийся на индивида с помощью СМИ, не соразмерен с возможностями человеческого восприятия. Поэтому люди часто принимают на веру ту часть информационного потока, которая оказалась в поле их внимания случайно, либо навязывалась более часто и назойливо.

Самосознание как составной элемент человеческой психики также претерпевает существенные изменения. Главное новшество, которое приносит распространение компьютерных технологий в представления людей о самих себе, собственно не является новшеством. Оно присутствовало в культуре в рамках религиозного и мифологического сознания, а теперь на новом уровне воспроизводится в сознании научном и паранаучном. Человек со своим сознанием, интеллектом опять все чаще понимается как создание более совершенного и могущественного интеллекта, будь то Божественный Разум, либо интеллект некой инопланетной формы.²

В массовом масштабе это находит отражение в распространении и воспроизводстве религиозного сознания в самых разнообразных и порой причудливых его формах, а также в приверженности сознания нерелигиозного всевозможным версиям космического вмешательства в процесс антропогенеза.

Рассмотрим теперь изменения, привносимые информационным обществом в *социальность* как атрибут человеческой сущности. Социальность проявляется в различных свойствах: потребности человека в общении, признании и самоутверждении, в его моральном сознании и в то же время – в его агрессивности и враждебности по отношению к себе подобным. В условиях современного информационного общества есть как минимум два фактора, существенно влияющих на качество общения. Во-первых, это возрастание его количественных показателей под влиянием урбанизации (переизбыток общения). Кроме того, как утверждают психологи, изменяются и качественные характеристики человеческой коммуникации. Она становится более поверхностной, формальной, безразличной, теряет свой моральный аспект. К. Лоренц в середине XX в. справедливо отмечал, что агрессивность в современном обществе, помимо прочих причин, является следствием скученности, переизбытка общения³. Во-вторых, на качество общения влияет Интернет как принципиально новый способ коммуникации. Особые возможности Интернета частично компенсируют изъяны непосредственного общения, названные выше. В то же время отношение к другой субъективности как к чему-то несущественному и необязательному, вырабатывающееся в условиях большого города и переизбытка анонимного общения, переносится и в Интернет. Не возобновлять переписку по электронной почте, не отвечать на вопросы в диалоге «он-лайн» еще более просто, чем не заметить случайного прохожего, обратившегося к тебе, не открыть дверь своей квартиры. Человек электронной цивилизации проделывает все это нередко просто из экономии психической энергии, стихийно пытаясь избежать очередного стресса, а когда это входит в привычку – просто автома-

тически. *Другой* таким образом превращается лишь в досадную помеху, если он не отличается каким-то особо значимым для субъекта свойством (полезен, приятен ему и т.п.) Так формируется предпосылка для понижения нравственного уровня, затухания моральной мотивации поведения людей. Индифферентность к другому человеку как таковому – это одна из самых характерных черт современного морального сознания. Ряд современных ученых отмечает как одну из наиболее тревожных тенденций отмирание чувства сострадания. Следует помнить, что сострадание представляет собой единственную эмоциональную основу морального поступка (рациональной основой при этом является чувство или сознание морального долга). Поэтому необходимо разобраться в причинах такого опасного для общественных нравов явления, как исчезновение или ослабление этой важнейшей основы нравственности. Первая причина уже называлась. Это экономия душевных сил в условиях психологических перегрузок, превращающаяся в привычку. Вторая причина – повышение жизненного уровня в информационном обществе. Непосредственных поводов для сострадания становится все меньше. В то же время, не испытывая на собственном опыте голода, боли, страха и т.п., человек с трудом может идентифицировать себя с *другим* и проникнуться его чувствами. Разумеется, такое возможно, но инертность и стихийный эгоизм препятствуют в большинстве случаев необходимой идентификации себя с другим человеком, испытывающим страдание. Наконец, в понижении уровня сострадания велика негативная роль массового искусства. Она состоит в том, что понижается психологический порог чувствительности при созерцании прямого насилия (убийств, избиений, пыток). Привыкая к подобным сценам на экране, индивид воспринимает их как естественные и в жизни. Особенно легко подобная перверсия происходит в сознании детей и подростков. Названные причины не являются «фатальными», но являются следствием неверных идеологических ориентаций общества, неправильной воспитательной политики.

Существование человека в условиях перманентного психологического стресса, вызванного перегрузками и хроническим дефицитом времени, превращает любые (не только моральные) эмоции в непозволительную роскошь, от которой индивиду все чаще приходится отказываться. Поэтому всякое переживание, не связанное непосредственно с основной деятельностью субъекта, «переживание ради переживания», становится уделом людей, социально не занятых или мало занятых. Это, в свою очередь, снижает социальный престиж переживания как самостоятельного проявления личности. Такие чувства, как влюбленность, ревность, эстетическая впечатлительность в информационном обществе отступают на задний план, по сравнению с тягой к обогащению, к индивидуальному самоутверждению через социальный успех. Таким образом, социальная потребность в самоутверждении достигается сугубо индивидуалистическими средствами.

Снижение общественного престижа эмоций следует расценивать как негативный фактор социальной реальности в эпоху перехода к информационной цивилизации. Эмоции представляют собой неотъемлемый компонент человеческой психики, придают сознанию специфически человеческое качество. А.Н. Леонтьев считает, что понятие сознания шире понятия мышления, и указывает на отличии-

тельную особенность сознания: «Оно должно быть понято не как знание только, но и как отношение, как направленность»⁴. Таким образом, сознание следует понимать как единство рационального и эмоционального начал, причем последнее выступает в качестве двигателя всякой активности, сопровождает интерес, определяет направление и интенсивность самотрансцендирования. Можно согласиться с отечественным современным исследователем проблемы человеческой субъективности С.В. Кайдаковым, который считает, что эмоциональная сфера является единственным способом обнаружения действия активной силы в человеке и нет другого способа ее обнаружения⁵. Разумеется, современная информационная цивилизация не исключает проявления эмоций. Напротив, игра, в том числе и компьютерная, погоня за успехом, за приобретением престижных вещей и услуг (которая также может быть интерпретирована как форма социальной игры) – как раз те формы социальной активности, которые столь распространены в современном мире, – с необходимостью предполагают эмоции. Однако эти эмоции вызваны эгоистическими потребностями субъекта. Таким образом, в современном социуме происходит снижение удельного веса эмоциональной составляющей, в особенности – эмоций, связанных с духовными интересами человека. Это обусловлено не только распространением рассудочных видов деятельности, не только «экономией эмоций» в результате психических перегрузок, переизбытка анонимного общения, дефицита времени и т.п. Снижению «накала страстей» способствует также стандартизация социальной жизни. Для большинства видов деятельности существует единый алгоритм, из которого, при желании, индивид может не выходить в своем повседневном существовании. Первичные потребности гражданина экономически развитой страны как правило удовлетворены: он может не заботиться о своем физическом существовании (а ведь необходимо помнить, что такое положение вещей сложилось по историческим меркам совсем недавно). В то же время других факторов, не связанных с витальными потребностями, способствующих творческой активности индивида, не появляется. Его духовное развитие само по себе в большинстве случаев не обеспечивает интереса к самосовершенствованию. Свободное время и энергия тратятся не на самореализацию (как мечтал Маркс, рисуя идеал коммунистического общества), а на стереотипные развлечения и игры.

Тем не менее в данном аспекте эпоха информационной цивилизации не отличается качественно от более ранних исторических эпох. Скорее следует различать эпохи относительно стабильного и мирного существования той или иной культурной системы и эпохи природных и социальных катаклизмов. Принципиальная новизна той исторической ситуации, которая складывалась в развитых странах начиная с конца XIX в., заключается лишь в тех условиях, которые отмечал Х. Ортега-и-Гассет в знаменитой работе «Восстание масс». Это освобождение массы людей от повседневной борьбы за существование (которое стало возможным за счет увеличения производительности труда, успехов науки), а также обретение политических прав теми социальными группами, которые были их лишены. Информационное общество второй половины XX в. усилило эти тенденции. Возникло резкое противоречие между материальными возможностями инди-

вида и его духовным уровнем, не позволяющим реализовать эти возможности.

Принадлежность к макросистеме – государству, корпорации, качественной организации и т.д. – это еще один, качественно иной аспект социальности индивида. Человечество во все эпохи существовало как совокупность относительно жестких социальных подсистем. По всей видимости, необходимость образования последних, как справедливо полагал А. Гелен, вытекает из большей, нежели у животных, спонтанности, непредсказуемости каждого отдельного человека: «Пластичность, способность к отклонениям и перестройке, к интеграции человеческих побуждений и потребностей, а так же тот самый избыток побуждений, который нас тут занимает, требуют именно для своего телеологического, сообразно целям, применения такой дисциплинарной структуры, которая обусловлена торможением, так что это торможение само вынуждено. В этом, как мне кажется, и состоит... «высшая ненадежность» человека... и необходимость перекрывающих руководящих структур, охватывающих сообщества. В самых разных взаимоотношениях и формах такие структуры существуют в нравах, культурах, религиях, мировоззрениях, нет известного нам человеческого сообщества, где бы их не было»⁶.

Возрастание свободы индивидов в экономическом, политическом, правовом, духовном аспектах с необходимостью ведет к усилению влияния соответствующих социальных структур. Формы этого влияния становятся менее жесткими, авторитарными. Этого требуют гуманистические и либеральные установки, провозглашенные постхристианской цивилизацией. Однако фактически контроль со стороны макро-социума и дисциплинирующее влияние его на индивида лишь возрастают. В последние десятилетия это проявляется в тотальном наблюдении за людьми в их общественной и частной жизни. Компьютерные средства предоставляют для этого технические возможности. В массовом сознании это вызывает испуг, негодование, протест. Однако если закономерность, отмеченная Геленом, действительно имеет место, – а судя по всему это так, – то следует принять усиление контроля общества над существованием индивида как необходимый процесс. Критике следует подвергать лишь частные проявления и формы этого контроля. Последние, в свою очередь, зависят от того, какие именно социальные структуры осуществляют контроль, интересы каких сообществ, социальных слоев и групп они выражают. Разумеется, не может не вызывать тревоги гипертрофированное влияние транснациональных корпораций на события современной общественной жизни. Такое положение дел во многом и определяет отмеченную выше перверсию ценностей, потребительские ориентации и прочие негативные явления общественной жизни. Усилившаяся в информационном обществе *манипуляция сознанием* также есть следствие определяющей роли транснациональных корпораций в современном мире. Эта одиозная манипуляция подменяет собой общественно необходимую идею или идеологию, которая могла бы служить общечеловеческим интересам и стать действенной силой для преодоления глобальных проблем, выхода из духовного кризиса, определения перспективных целей человечества.

Итак, можно сделать вывод, что атрибутивные свойства человека как родового существа проявляются в информационном обществе в полной

мере. Они приобретают в нем специфические формы своего проявления, как это происходит и в других исторических типах общества. Однако возможность моделирования ментальных способностей человека, возникающая в условиях компьютерной цивилизации, придает основным атрибутивным человеческим свойствам – практической деятельности, сознанию, социальности – невиданную ранее специфику, расширяет потенциальные возможности человека до качественно нового уровня.

Примечания

¹ О специфике и закономерностях информационного общества см: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999; *Гиренок Ф.И.* Культура как виртуальность: событие и смысл // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып. 4. – М., 1998; *Громов Г.Р.* Очерки информационной технологии. – М.: ИнфоАрт, 1993; *Иванов Д.В.* Виртуализация общества // Социология и социальная антропология: Межвуз. сб. – СПб.: Алетейя, 1997; *Корсунцев И.Г.* Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. – М., 1997; *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. – М., 1991; *Романов О.В.* Фило-

софия Интернета: генезис и синтез фундаментальных идей. – Самара, 2003; *Робертсон Д.С.* Информационная революция // Информационная революция: наука, экономика, технология. – М.: ИНИОН РАН, 1993; Технологии виртуальной реальности: состояние и тенденции развития / Под ред. Н.А. Носова. – М.: ИТАР-ТАСС, 1996; *Юрьев Г.П.* Виртуальный человек в экстремальных условиях: Тр. лаборатории виртуалистики. Вып. 9. – М., 2000.

² На это, в частности, обращает внимание В.Ю. Верещагин. Он считает, что современная техногенная цивилизация воспроизводит средневековые теологические представления о разуме человека как о созданном по образу и подобию Божьему. См.: *Верещагин В.Ю., Яценко М.К.* Информационно-культурный адаптациогенез: антропологическое измерение. – Ростов н/Д, 2001. – С. 54; *Верещагин В.Ю.* Человек в информационном мире. – Ростов н/Д, 1996.

³ См: *Лоренц К.* Агрессия. – М., 1998. – С. 246.

⁴ *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – С. 235.

⁵ *Кайдаков С.В.* Человек: тайны онтологии субъективности. – М.: МГАПБ, 1995. – С. 17.

⁶ *Гелен А.* О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Сб. переводов. – М., 1988. – С. 198.